

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора философских наук, профессора
Московского педагогического государственного университета
Микешиной Людмилы Александровны на диссертационное исследование
Антоновского Александра Юрьевича
«Коммуникация как эпистемологическая проблема: от теории
коммуникативных медиа к социальной философии науки», представленное
на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности
09.00.01 – онтология и теория познания

Актуальность исследования А.Ю. Антоновского в полной мере подтверждается тем, что категориальный аппарат философии познания за последние десятилетия конца прошлого – начала нового века претерпел существенные изменения и требует как их критического и содержательного осмысления, так и дальнейшего развития. Уже в самом начале в историческом экскурсе о состоянии изученности проблемы в работе представлен зрелый, предельно обстоятельный охват историко-философского и современного материала, прежде всего, по проблемам коммуникации, который не только изложен, но в течение исследования существенно переосмыслен, критически оценен, а главное – представляет во многом новое видение и теоретически результативные подходы к заявленной теме. При этом предполагается, что осуществленная автором эпистемологическая интерпретация коммуникативных процессов в полной мере отвечает очевидным возможностям миновать опасности как редукционизма, так и универсализма. Учитывается также необходимость работать с самим понятием коммуникации, различать историю семантики и вариативность самого понятия, не зафиксированного однозначно в виде термина; при этом отмечено, что два центральных подхода – интеграционно-коммуникативный и медиа-коммуникативный – будут представлены как «акцентуации одного и того же процесса». Как методологически значимый фактор отмечается, что в XXI веке, когда язык как главный познавательный инструмент становится

предметом философской рефлексии, коммуникация обретает статус одной из ведущих эпистемологических проблем.

Как необходимая предпосылка, уже во Введении достаточно убедительно прослеживаются «линии» ведущих мыслителей в понимании сути и природы коммуникаций, многообразие понимания и подходов к ним, а также главные направления развития и трансформации этого понятия в XX - начале XXI века. Диссертант вполне представил нам «поле исследования» и его трудности: в социологии с коммуникацией связана проблема замкнутости сознания и реконструкции смысла сообщения для социальной теории; в кибернетике это проблема инструментально и медиа-опосредованных потоков и каналов информации; в функционально-социологическом понимании коммуникации как ретранслятора культуры и традиции; коммуникации как полифоничного диалога людей и культур и многие другие.

Вместе с тем диссертант на фоне этого многообразия достаточно четко, уже с первых параграфов первой главы, формулирует непосредственные проблемы своего исследования: эпистемологические и конструктивистские аспекты теории коммуникаций, ее генетический аспект, средства и медиа коммуникации, которые делают возможным человеческое общение во всем его многообразии, в том числе и его когнитивные формы. (При общей оценке работы я особо обращаю внимание на проблемы, связанные с развитием собственно эпистемологии, в частности, проблемы знания.) Уже при обращении к базовым предпосылкам феномена коммуникации, представленным в теории медиа восприятия Ф. Хайдера, в диссертации показано, что наблюдение, очевидно, детерминировано двояко: и свойствами медиума, и свойствами воздействующего на медиум предмета, соответственно, эти соображения заставляют вносить некоторые коррективы в концепции истинности (с. 15). В частности, несоизмеримые нам микрообъекты (электромагнитные и звуковые волны) фактически воздействуя на нас, сами ускользают от наблюдения. Но такое понимание

наблюдения, как справедливо отмечается в диссертации, *«ставит под вопрос» существующее представление о классической корреспондентской теории истины*. Восприятие как форма наблюдения посредством означенных медиа оказывается единством одновременного отрицания и утверждения, поскольку наблюдение концентрируется на предмете, к которому у наблюдателя нет фактического доступа. Эта удивительная особенность «коммуникации субъекта с объектом» позже вырастет в эпистемологическую проблему: как происходит сопоставление «знания» с «вещью» и кто наблюдает соответствие/несоответствие. Как известно, у Декарта это Бог. (Замечу, что сегодня большинство отечественных философов не видят в этом проблемы, некритически следуя теории корреспонденции).

Рассматривая, в частности, следствия из «закона формы Дж. Спенсера-Брауна» (с. 17–25), диссертант показывает, что во всяком предмете наблюдения надо изначально учитывать два обстоятельства – сам предмет и его наблюдение, потому, что во всякий предмет наблюдения изначально включено социальное измерение, требующее ставить вопрос: «как осуществляется наблюдение, т.е. кто же является наблюдателем (сознание, коммуникация, социальная система)?». Всякая реальность является следствием различений, но выйти за пределы различений, прорваться к миру самому по себе, наблюдатель не в состоянии. Итак, выявляется важная эпистемологическая проблема, требующая дальнейшего исследования. В частности, предложенное в работе понимание коммуникации как особого рода когнитивного процесса предоставляет возможность выхода за пределы как редукционизма, так и универсализма или решение проблемы «неудавшейся коммуникации», возникающей, например, на границах разных типов современных коммуникаций – расовых, гендерных, возрастных, культурных, политических, религиозных, языковых и многих других, приводящих к социальным конфликтам.

Долгое время не представлялось очевидным, что коммуникация, прежде всего, является эпистемологическим понятием и проблемой,

требующей экспликации собственно теоретико-познавательного содержания коммуникации, ее роли в истории философии в целом, в развитии эпистемологических идей и концептов. Поэтому очень важно утверждение диссертанта о том, что «философия в ее исследованиях коммуникации словно возвращает актуальность классическим философским проблемам – (коммуникативному) пространству, (коммуникативному) времени, (социальной) каузальности, (коллективным) субъекту и объекту». Имеет значение в этом случае и то, что существуют как бы две отдельные истории: история термина, менявшего свои смыслы (история семантики), и история самого понятия с его «исторической содержательной инвариантностью». Понятие коммуникации в ее эпистемологическом смысле предполагает ориентированность как на различие знания/незнания (знания некоторого Его, неизвестное Другому), так и на различие открытого коммуникативного сообщения и недоступного для Его сознания Другого, «заложенная» информация сообщения (с. 24-25).

В диссертации отмечается, что традиционные подходы к анализу коммуникации до сих пор опирались, главным образом, на социально-философские, социологические и историко-этнологические основания. В рамках этой ветви интерпретации коммуникации следует рассматривать так называемую «философию диалога», традиционно связываемую с именами М. Бубера, Э. Левинаса, диалогизмом и «полифоничностью» М. Бахтина. Поэтому диссертант расширяет задачу – выяснить возможности также «междисциплинарно-фундированной концепции коммуникации» как единого предмета естественно-научных исследований: биологии, нейрофизиологии, общей теории систем, теории живых и социальных систем, логико-математической формализации коммуникативных процессов, кибернетики и общей теории наблюдения, учитывающей эффекты, вносимые наблюдателем в наблюдаемые явления. При этом необходимо учитывать, отмечает диссертант, что такое понимание коммуникации как способа некого

«примирения» между Ego и Другим поначалу резко контрастирует с математической теорией передачи сигналов и информации.

Но возникает вопрос, как «исторически» развивались медиа коммуникации и накладываемые на них ограничения или их конкретные манифестации (формы). Опираясь на исследования коммуникационных медиа распространения знания, диссертант приходит к выводам об интеграции и дезинтеграции сообщества, что «генерирует новые конфликты и требует новых форм организации медиа». Предлагая «дистинкцию знания и не-знания», исследователь получает новые эпистемологические выводы о коммуникативной теории и универсальном определении коммуникаций (с. 37–41) в «обществах знания и не-знания». Обосновывается, что эти следствия вытекают из универсального суждения о коммуникации, которое характеризует ее независимо от культур, эпох, этносов и страт. Эта ось дифференциации людей «определяет фундаментальное различие в типах коммуникации».

В диссертации (гл. 1, параграф 4) представлен несколько неожиданный, но достаточно обоснованный вывод о медиа современных обществ: электронная телекоммуникация не виртуализировала жизненный мир, а скорее, восстановила утраченное пространство-время координации между посланным сообщением, знаковой презентацией реальности и ее прототипами (с. 43-44, 51). Однако, как отмечается в диссертации, при этом утрачиваются взаимовлияния коммуницирующих сторон и единство коммуникативного акта. В целом можно подтвердить, что в первой главе обосновано и показано, что историческая специфичность типов коммуникации предполагает соответствующие различия смысловых контекстов в предметном, пространственно-временном и социальном измерениях или контекстах коммуникации.

Глава вторая: «Истина и знание как медиа коммуникативного успеха» по объему, глубине и важности рассматриваемых проблем главная в исследовании. Сама категория знания, его бесконечная многозначность и

неопределенность, а также отсутствие добротного и главного определения, не получившего оформления за прошедшие века, со времен Платона – это базовая линия исследования автором данного феномена. Прежде всего истина рассматривается как медиум коммуникативного наблюдения и его генезис из ценностных установок, т.е. познание понимается как *выделенный тип коммуникации*, мотивированный поисками истины. Показано, что истина и ценность не противостоят друг другу, а имеют общую функцию удостоверения общего знания Ego и Другого. По-новому осуществлено историко-генетическое рассмотрение истины как коммуникативного медиума, происходящего из «ценностей» *aletheia* и *pseudos*, в конечном счете их синтезирования. Интересна высказываемая автором мысль, что именно в контексте коммуникативной дистинкции истина/ложь ложь получает нормальное, разрешенное состояние как заблуждение.

Обосновывается принципиальная позиция диссертанта в понимании «различия истины знания и знания истины», зафиксированного в парадоксах Геттиера, в которых, по существу, лежит разведение двух типов коммуникативных наблюдений, а также понимание того, что истинные высказывания наблюдателя первого порядка не являются знанием. Как отмечает диссертант, оказалось, что обоснованности суждения (наличия доказательств), субъективной уверенности в нем и истинности данного суждения уже недостаточно для того, чтобы признавать его знанием. Обосновывается проявление в этом феномене *социальности знания* – возможность принятия решения о некорректных формах знания наблюдателем второго порядка, т.е. следует допускать возможность существования *разных* наблюдателей. Обосновывается, что «именно парадоксы Геттиера показали, что эпистемология пока еще не может притязать на статус объектно-определенной, и в этом смысле – научной, дисциплины». Таким образом, социальность знания – признак, требующий учитывать контекст, дополняет такие, как истинность, убежденность, обоснованность.

В диссертации истина показана в ее генезисе, возможности превращения в полноценное средство коммуникативного успеха научной системы. Однако необходимо учитывать, что если коммуникация действительно ориентирована на противоположные цели – на объектную и субъектную, на информационное описание мира, то возникает вопрос об исторической периодизации коммуникации, о том, как появляется объективное суждение о внешнем мире. Ставится вопрос для исследования: как предмет сообщения стал значимым по его собственным характеристикам? Каким образом коммуникация приобретает когнитивный характер, т.е. переходит от ориентирования на нормативное знание/незнание?

Не менее значимой является поставленная диссертантом проблема соответствия истины предмету. Справедливо отмечено, что известные трудности в выявлении референта истины и знания возникают лишь применительно к корреспондентской теории, где соответствие «можно понимать как различность объекта и его описания», однако сопоставимость объекта и его описания требуют определенной «однородности». И справедливо отмечается, что, дав типологию различий, можно обозначить референт корреспондентской теории – *различность* знания и объекта знания. Это замечание важно и сегодня, но, как правило, на него мало кто обращает внимание.

Соответственно диссертант переходит к детальному рассмотрению самого понятия «знание», его социальности, временного контекста и выясняет, что следует допустить возможность существования разных наблюдателей, которые одно и то же суждение могут оценивать по-разному, возможен также переход от «знания–как» к «знанию–что». (с. 69). Рассмотрены также «постнестандартные» определения знания, каузальная связь между знанием и его содержанием (экстерналистский признак). В целом в работе дан обстоятельный критический анализ вариантов определения знания: стандартного понятия, ресурсы нестандартного определения (с дополняющими признаками надежности, достоверности,

сензитивности). Отмечено, что социально-коммуникативные характеристики наблюдателя определяют когнитивные стандарты и признаки статуса наблюдателя и самого знания (с. 82-84). Вся глава 2 и есть, по-видимому, обстоятельное *определение* понятия «знание» – разработка теории знания, что и является одной из главных целей диссертанта и результатом работы. Проблемы СТС исследованы как нормативные ограничения когнитивных процессов, изменение представления о «природном» характере знания (оно «изготавливается в лабораториях»), т.е. его онтологии. Зафиксирован «пересмотр корреспондентной теории истины в пользу прагматизма и понятия сети» (с. 89). Особо рассмотрены специфика наблюдения в социальной теории, обосновано, что причина и следствие – абстракции, а не бесспорные данные наблюдения; кибернетическая иерархия уровней общества не предполагают классических физических законов. Особо обсуждаются феномены «ненаблюдаемости» и историчности, а также специфика макросоциологического уровня наблюдений в социальном знании.

Таким образом, в целом в диссертации достигнуты обозначенные цели и решение поставленных задач исследования в ходе движения от теории коммуникативных медиа к социальной философии науки. Не вызывает сомнений масштабность и новизна предложенных автором обоснованных решений проблем развития эпистемологии, философии науки в целом. Существенно и глубоко на основании собственных теоретических и методологических подходов представлены и проработаны базовые понятия современной философии познания: коммуникации, их формы и познавательные функции, влияние в целом на эпистемологию, современное учение о природе истины и специфике социального познания. Работу положительно отличает глубина и смелость, новизна в постановке проблем и обстоятельность поисков и решений как существующих, так и поставленных заново, иногда впервые, проблем. Обстоятельность, оригинальность и обоснованность теоретических проблем, вводимых принципов и понятий на

протяжении всего исследования существенно подкреплены четкими, содержательными выводами в конце каждого параграфа и главы, как и в конце диссертации.

Вместе с тем необходимо указать на имеющие место в тексте диссертации недостатки и спорные суждения, связанные с дальнейшим развитием обсуждаемых проблем и подходов:

1. Не до конца проясненными остаются претензии автора к эпистемологии, которая до сих пор, по его мнению, не дала определения понятию знания. Если речь идет буквально о дефиниции (в логическом смысле) знания, то его не дает и сам диссертант, несмотря на полноценный текстовый анализ знания и дискуссий вокруг него (в частности, предлагает интересную и плодотворную трактовку «проблемы Геттиера»). Если же речь идет об определении как формально-логическом текстовом, развернутом объяснении знания, то, во-первых, претензии к эпистемологии не основательны, во-вторых, как известно, со времен Платона есть бесконечные рассуждения о знании, но нет бесспорного формального определения. Поппер просто принимает для «работы» знание как «индивидуальное состояние сознания субъекта» и знание как его эпистемологические формы – метод, теория и др. – для передачи в обществе. Видимо, речь должна идти в целом о *специфике определения понятий в гуманитарном знании*, в том числе философском, где часто не применим вывод от индукции к дедукции и «жесткая формализация», а употребляется либо идеация (Э. Кассирер), либо типология (Г. Шпет и др.).
2. Спорно и рассуждение об эпистемологии как «теории познания о теории познания». Парадокс, как и заметил диссертант, получается только в том случае, если не различать *уровни* самой теории познания. И здесь, как представляется, надо идти по другому пути, т.е. развести эти уровни терминологически: **общая философия**

познания, внутри которой классическая гносеология с предельно абстрактным трансцендентальным субъектом, и современная неклассическая эпистемология, где снижен уровень абстракции субъекта, его трансцендентности, и форм знания (некоторое множество эпистемологий, возникших сегодня). В общую философию познания входит также философия науки в ее разнообразии. В таком случае при рассмотрении «теории знания» в диссертации речь идет прежде всего в целом о *философии познания*, и этот термин присутствует в работе.

3. Неравномерность в структуре работы: вторая глава существенно превышает по объему и количеству проблем первую и вполне могла быть разделена на две главы: проблемы научного знания явно составляют самостоятельную главу. В тексте имеет место излишняя, как представляется, детализация материала и проблем как про коммуникативные медиа, так и про проблемы науки. Наконец, в самом тексте присутствуют ошибки, преимущественно технические.

Эти замечания существенно не снижают оценку результатов работы, ее общетеоретические и философские значительные научные достижения. Основные идеи исследования хорошо апробированы – по теме диссертации опубликовано 26 работ, в том числе 3 авторских и 2 коллективных монографии; 21 статья в журналах по списку ВАК РФ. В списке литературы 193 источника, в том числе 113 на английском, немецком и французском языках.

Работа отличается постановкой многих новых проблем и достаточно убедительным их обоснованием и решением; в конце разделов и параграфов сделаны краткие, четкие выводы, имеющие принципиальное значение и намечающие пути дальнейшего исследования. Автореферат соответствует содержанию диссертации.

Содержание работы соответствует следующим пунктам паспорта специальности 09.00.01: п.п. 4, 18, 23, 26, 38, 39, 43, а также в целом «Перспективам развития и взаимного обогащения онтологии, гносеологии и методологии познания в прогрессе науки и техники, а также средств информационного обеспечения».

Диссертационное исследование соответствует требованиям п.п. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Положением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а его автор Антоновский Александр Юрьевич заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания.

Дата: 26. 05. 2016

Официальный оппонент

доктор философских наук, профессор
кафедры философии Московского
педагогического государственного
университета

Микешина Л.А.

Подпись Микешиной Л.А. заверяю

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский педагогический государственный
университет (ФГБОУ ВО «МПГУ»)

Юридический адрес: 119992, г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1.

Тел. (499) 245-03-10

E-mail: mail@mpgu.edu

С публикациями официального оппонента можно ознакомиться по
следующим адресам в сети Интернет:

www.ideashistory.org.ru/pdfs/lamphpozn.pdf;

www.ideashistory.org.ru/lam_philcogn.html

